

*Беатрисе, Тревору, Тодду, Нику
и особенно Джону за все,
чем вы стали для меня,
и за все, что вы дали мне*

Глава 1

— Доктор Галлам, доктор Питер Галлам, доктор Галлам, интенсивная кардиология, доктор Галлам... — звучал по радио бесстрастный голос, когда Питер Галлам спешил через вестибюль центральной городской больницы, не останавливаясь, чтобы ответить на вызов, поскольку операционная бригада знала, что он уже в пути. Войдя в лифт и нажав кнопку шестого этажа, он нахмурился, его мозг лихорадочно работал, анализируя данные, полученные двадцать минут назад по телефону. Они несколько недель ждали этого донора, но сейчас момент был почти упущен.

Почти. Двери лифта раскрылись, и он стремительной походкой направился к сестринскому посту с надписью «Интенсивная кардиология».

— Салли Блок уже отправили наверх?

Сестра подняла на него глаза, моментально сосредоточившись. При виде его у нее всегда слегка замирало сердце. В этом высоком, подтянутом седовласом человеке с голубыми глазами и мягким голосом было что-то вызывающее в людях душевный трепет. Он выглядел так, как изображаются врачи в женских романах. В нем сочетались природная доброта и мягкость с мужской силой. Он напоминал прекрасного скакуна, всегда с натянутыми поводьями, рвущегося вперед... стремящегося сделать

больше... вступить в единоборство со временем... добиваться невозможного... вырвать у смерти хоть одну жизнь... мужчину... женщину... ребенка... еще одного. Он часто побеждал.

Часто. Но не всегда. Бессилие раздражало его. Более того, причиняло ему боль. Морщины залегли вокруг глаз, а в душе затаилась глубокая печаль. Он почти ежедневно творил чудеса, но ему хотелось большего, ему хотелось спасти их всех, но это было невозможно.

— Да, доктор. — Сестра поспешно кивнула. — Ее только что отвезли наверх.

— Она была готова?

Это была еще одна его отличительная черта. Сестра мгновенно поняла, что он имел в виду под этим «готова». Совсем не легкое успокаивающее или внутривенный укол больной, сделанный перед тем, как девушку увезли из палаты в операционную. Он спрашивал о том, как она себя вела, что чувствовала, кто говорил с ней, кто сопровождал ее. Ему хотелось, чтобы все его пациенты знали, через какие испытания им придется пройти, какая трудная задача стоит перед врачами и как самозабвенно все они будут пытаться спасти жизнь каждого. Он хотел, чтобы пациент был готов вступить в борьбу за свою жизнь вместе с ним.

— Если они не будут верить, что у них есть шанс выиграть сражение, когда их везут в операционную, то мы с самого начала обречены на провал.

Сестра слышала, как он говорит это своим студентам, и это были не просто слова. Он сражался, не жалея себя, и это дорого обходилось ему, но жизнь людей стоила всех усилий. Результаты, полученные им за последние пять лет, за редким

исключением были поразительными. Но эти исключения очень много значили для Питера Галлама. «Какой он удивительный, сильный, блестящий... и необыкновенно красивый», — с улыбкой отметила медсестра, когда доктор поспешил к маленькому лифту в конце коридора. Лифт быстро поднял его на один этаж, и Питер оказался перед входом в операционную, где он и его бригада проводили сложные операции по пересадке сердца, как та, которая предстояла сегодня ночью.

Двадцатидвухлетняя Салли Блок почти всю сознательную жизнь прожила инвалидом, перенесла в детстве ревматическую атаку. Ей уже несколько раз делали пересадку клапанов и множество медикаментозных блокад. Несколько недель назад, когда она поступила в центральную городскую больницу, он и его коллеги пришли к выводу, что ей может помочь только пересадка сердца. Но до сих пор не было донора. До сегодняшней ночи, когда в половине третьего группа сомнительных молодчиков устроила гонки в долине Сан-Фернандо. Трое из них разбились при столкновении, и после ряда деловых звонков от сотрудников прекрасно организованной системы по выявлению и поставке доноров Питер Галлам узнал, что появился подходящий донор. Только бы Салли смогла перенести операцию и ее организм не отторг бы новое сердце, которое они подарят ей.

Он переоделся в бледно-зеленый хлопчатобумажный операционный костюм, тщательно вымыл руки, и хирургическая сестра помогла ему надеть перчатки и маску. Три врача, два стажера и несколько операционных сестер уже ждали его. Питер Галлам, казалось, даже не заметил их, входя в операционную. Его взгляд тотчас устремился на Салли, лежавшую

молча и неподвижно на операционном столе. Яркий свет ламп слепил ей глаза. Даже в стерильной одежде и в зеленой шапочке, скрывающей ее длинные светлые волосы, она выглядела привлекательной. Салли очень хотела стать художницей... учиться в колледже... ходить на свидания... быть любимой... иметь детей. Она узнала Питера, несмотря на шапочку и маску, и сонно улыбнулась сквозь дымку наркоза.

— Привет! — Она выглядела хрупкой, глаза казались огромными на изможденном лице, и напоминала разбитую фарфоровую куклу, ждущую, что он починит ее.

— Привет, Салли. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Ее глаза на мгновение вспыхнули, и она улыбнулась знакомому взгляду. За последние две недели она хорошо узнала его. Он дал ей надежду и нежность, окружил заботой, а одиночество, в котором она жила долгие годы, показалось ей менее горьким.

— Нам предстоит большая работа, а ты лежи и дремли. — Питер наблюдал за ней, потом взглянул на приборы и снова перевел на нее взгляд. — Страшно?

— Немного.

Но он знал, что Салли хорошо подготовлена. Он потратил много времени, объясняя ей суть операции, весь сложный процесс и какие опасности могут подстергать ее после, а также какое медикаментозное лечение ей будет предписано. И вот решающий момент настал. Это напоминало второе рождение. Он вдохнет в нее новую жизнь, она как бы родится из его души, из кончиков его пальцев.

Анестезиолог подошел к изголовью операционного стола и встретился взглядом с Питером

Тот медленно кивнул и снова улыбнулся Салли.

— Скоро увидимся. — Правда, пройдет часов пять или шесть, прежде чем она снова придет в сознание, пока они будут наблюдать за ней в послеоперационной палате, перед тем как перевести ее в отделение интенсивной терапии.

— Вы будете рядом, когда я проснусь? — Она нахмурилась от страха, и он поспешно кивнул:

— Конечно. Я обязательно буду с тобой.

Затем Питер сделал знак анестезиологу, и вскоре под действием наркоза ее глаза закрылись. Спустя несколько минут операция началась. А через четыре часа на лице Питера Галлама появилось удивленно-победоносное выражение, когда донорское сердце заработало. На какое-то мгновение он встретился взглядом с сестрой, стоявшей напротив него, и улыбнулся из-под маски.

— Работает. — Но Питер понимал, что они выиграли только первый раунд. Примет ли организм Салли новое сердце или отторгнет его? Как и у всех других пациентов с трансплантированным сердцем, шансы выжить у нее невелики. Однако они были выше, чем если бы ей совсем не делали операцию. В ее случае это была единственная надежда. В то утро в девять пятнадцать Салли Блок увезли в послеоперационную палату, а Питер Галлам получил первую передышку с половины пятого утра. Некоторое время еще будет отходить наркоз, и он может выпить чашку кофе и немного поразмышлять. Подобные операции изнурили его.

— Блестящая работа, доктор. — Врач-стажер стоял рядом с ним, все еще находясь под впечатлением от увиденного. Питер, налив себе чашку черного кофе, повернулся к молодому человеку.

— Спасибо. — Питер улыбнулся, подумав, насколько этот юноша похож на его сына. Он был бы безмерно рад, если бы Марк посвятил себя медицине, но у того были другие планы; он хотел заняться бизнесом или юриспруденцией. Его привлекал более широкий мир, чем тот, в котором жил Питер. К тому же за долгие годы сын успел насмотреться, как выкладывается отец, как он переживает смерть каждого своего пациента. Это было не для него. Питер прикрыл глаза, сделал глоток очень крепкого кофе, думая, что, возможно, это и к лучшему. Затем снова обернулся к стажеру.

— Вы впервые видели пересадку сердца?

— Нет, это вторая операция. Первую тоже исполнили вы.

Слово «исполнение» весьма подходило к их работе. Обе пересадки, за которыми наблюдал молодой человек, представляли собой своего рода хирургическое зрелище. До этого ему никогда в жизни не приходилось испытывать такое напряжение и драму в операционной. Наблюдать за ходом операции, выполняемой Питером Галламом, это как смотреть балетный спектакль с участием Нижинского. Он был артистом своего дела.

— Каков, по вашему мнению, будет результат операции?

— Слишком рано говорить об этом. Надеюсь, что все обойдется. — И он, надевая поверх операционного костюма еще один стерильный халат и направляясь в послеоперационную палату, молил Бога, чтобы сказанное им оправдалось. Оставив чашку с кофе снаружи, он тихо подошел к кровати Салли и сел на стул.

Послеоперационная сестра и целая батарея мониторов следили за каждым вздохом

Салли, и пока все было в порядке. Опасность может появиться позже.

Только бы все не пошло плохо с самого начала. А такое уже случалось прежде. Но только не в этот раз... не в этот раз... прошу тебя, Боже... не сейчас... не с ней... она так молода... хотя он чувствовал бы то же самое, будь ей не двадцать два, а пятьдесят пять.

Как это не имело значения, когда он потерял жену. Он сидел, глядя на Салли, стараясь не видеть другое лицо... другой случай, который всегда стоял у него перед глазами... Он видел ее, какой она была в последние часы, утратившая желание бороться, потерявшая надежду... Он уже ничего не мог поделать.

Она так и не позволила ему попытаться спасти ее. Что бы он ни говорил, как бы ни старался уговорить ее.

У них был донор. Но она отказалась. В ту ночь он бился головой о стену в ее палате, а затем, сев в автомобиль, помчался с бешеной скоростью домой по пустынной дороге. А когда его остановили за превышение скорости, ему было все равно. Тогда он думал только о ней... и о том, что она ничего не позволила ему сделать. Когда дорожный патруль остановил его, он был настолько не в себе, что его заставили выйти из машины и пройти по прямой. Но он не был пьян, он оцепенел от боли. Они отпустили его, сделав замечание и заставив заплатить приличный штраф. Дома он слонялся из угла в угол, думая о ней, страдая. Ему так не хватало Анны, ее заботы и поддержки. Он не верил, что сможет жить без нее. Тогда даже дети казались ему далекими... все его мысли были только об Анне. Долгие годы совместной жизни она была такой сильной, и только благодаря ей он смог добиться успеха. Она была для него живительным источником.

И вдруг все кончилось. В ту ночь Питер сидел, одинокий и испуганный, как маленький ребенок, а на рассвете внезапно почувствовал непреодолимое желание увидеть ее. Он должен был вернуться к ней... должен еще раз сказать ей... должен рассказать то, о чем никогда не говорил прежде. Он помчался обратно в больницу и тихо проскользнул в ее палату. Отослав медсестру передохнуть, он сел возле нее, нежно взяв ее за руку, отвел прекрасные волосы с бледного лба и стал гладить их, а перед самым рассветом она открыла глаза.

— Питер... — тихо прошептала она.

— Я люблю тебя, Анна.

У него на глаза навернулись слезы, и ему захотелось закричать: «Не уходи!»

Она улыбнулась своей волшебной улыбкой, всегда бердившей его душу, и затем, слегка вздохнув, ушла в мир иной, а он стоял, объятый ужасом, и смотрел на нее. Почему она не стала бороться? Почему она не позволила ему попытаться спасти ее? Почему она не могла воспринять то, что другие принимали от него почти ежедневно? Но сейчас он не мог спокойно смириться с этим. Он стоял, не отводя от нее взгляда, тихо всхлипывая, пока кто-то из коллег не увел его.

Они отвезли его домой и уложили в постель. В течение нескольких недель он делал все машинально. Его существование напоминало жизнь в мрачном подводном царстве, когда ему то и дело приходилось всплывать на поверхность, пока он в конце концов не осознал, как отчаянно дети нуждаются в нем. И постепенно он вернулся в реальный мир, а спустя три недели вновь приступил к работе, но теперь ему постоянно чего-то не хватало. И это нечто

Этим нечто была Анна. Долгое время мысли о ней ни на миг не оставляли его. Ее образ возникал тысячу раз в день, когда он уходил на работу, когда входил в палаты к больным и выходил оттуда, когда шел в операционную или к своей машине в конце дня. И каждый раз, когда он подходил к дому, как будто нож вонзался ему в сердце. При мысли, что ее там нет.

Прошло больше года, и боль притупилась, но так и не прошла. Питер подозревал, что эта боль не уйдет никогда. Единственное, на что он был способен, — это продолжать работать, отдавать все, что мог, людям, обращавшимся к нему за помощью... и потом, были еще Мэтью, Марк и Пам. Слава богу, что у него остались они. Без них он ни за что бы не выжил. Но он выжил. Он жил до сих пор и будет продолжать жить... но как все изменилось... без Анны...

Он сидел в тишине послеоперационной палаты, вытянув ноги, с напряженным выражением следя за дыханием Салли... и наконец она на мгновение открыла глаза и смутным взглядом обвела палату.

— Салли... Салли, это я, Питер Галлам... Я здесь, и с тобой все в порядке. — «Пока». Но он не сказал ей этого, он запрещал себе даже думать о худшем. Она жива. Она все перенесла хорошо. Она будет жить. Он сделает все возможное, чтобы она выжила.

Он просидел еще час у ее постели, наблюдая за ней и заговаривая всякий раз, когда Салли приходила в сознание, и даже добился от нее слабой, еле уловимой улыбки. Около часа дня Питер заглянул в кафетерий, чтобы слегка перекусить, и ненадолго зашел в свой офис, прежде чем вернуться в больницу на обход пациентов в четыре часа, а в половине шестого уже ехал домой, снова вспоминая